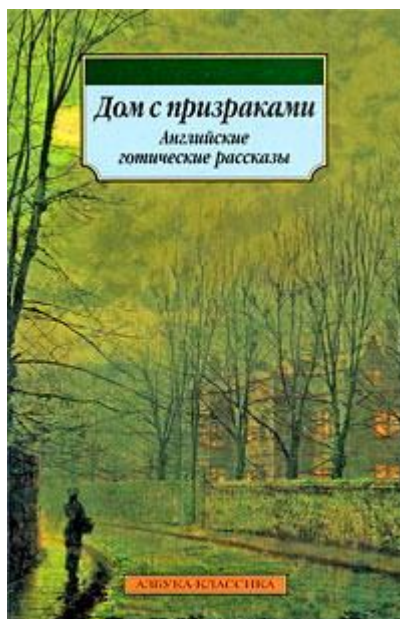

Джозеф Шеридан Ле Фаню Зелёный чай

«Дом с призраками: Английские готические рассказы»: Азбука-классика; 2009
ISBN 5-352-00932-7

Аннотация

Письма доктора Хесселиуса своему другу профессору Ван Лоо из Лейдена (Голландия). В этих письмах Мартин Хесселиус рассказывает о том, как познакомился с преподобным Дженнингсом, а так же что терзает и не дает покоя старому священнослужителю. В этих письмах доктор излагает научные доводы о сложившейся проблеме.

Джозеф Шеридан Ле Фаню Зелёный чай

Пролог. Мартин Хесселиус, врач из Германии

Я получил основательное медицинское образование и собирался практиковать в качестве терапевта или хирурга, но судьба распорядилась иначе. Обе упомянутые области медицины, тем не менее, интересуют меня по-прежнему. Едва вступив на избранную мной благородную стезю, я вынужден был ее покинуть, и виной тому не леность и не пустой каприз, а крохотная царапина, причиненная анатомическим скальпелем. С потерей двух пальцев, которые пришлось срочно ампутировать, еще можно было бы примириться; главное — ущерб, нанесенный здоровью, ибо с того дня я забыл, что такое хорошее самочувствие; в довершение всего, мне нужно было постоянно разъезжать — жить на одном месте хотя бы в течение года доводилось нечасто.

Во время странствий я познакомился с доктором Мартином Хесселиусом и обнаружил в нем свое подобие: бродягу, врача и, более того, страстного энтузиаста медицинской науки. В отличие от меня, однако, он путешествовал по доброй воле, и, хотя в Англии богачом бы его не назвали, почитаться человеком зажиточным (как говаривали в старину) он мог вполне. В то время, когда я увидел его впервые, он был уже немолод, нас разделяло немногим менее тридцати пяти лет.

В лице доктора Мартина Хесселиуса я обрел наставника. Знания его были безграничны, интуиция потрясала. Как никто другой, доктор Хесселиус был способен сделаться кумиром в глазах юного и восторженного поклонника врачебного искусства. Мое восхищение выдержало проверку временем, выстояло против самой смерти, и в выборе объекта почитания я не ошибся — сомнений в этом нет.

Почти двадцать лет я проработал секретарем доктора Хесселиуса. Он оставил на мое попечение огромное количество рукописей; их надлежало привести в порядок, снабдить указателем и отдать в переплет. Любопытно то, как доктор излагает некоторые истории болезни. Можно подумать, что записи принадлежат двум разным людям. Обо всем увиденном и услышанном он повествует от лица человека неглупого, однако не принадлежащего к медицинскому сословию; но, покончив с подобным рассказом и выпроводив пациента через дверь собственного холла на свет Божий или же через врата тьмы к обители мертвых, доктор, вновь вооружившись терминологией своей науки, переходит к анализу симптомов, постановке диагноза и прочим ученым рассуждениям.

В бумагах доктора Хесселиуса попадают истории, которые будут интересны не только специалистам-медикам: они способны также послужить развлечению (или устрашению) обычного, далекого от медицины читателя. Нижеследующий рассказ в точности скопирован с записей доктора Хесселиуса, за исключением незначительных поправок, касающихся не сути повествования, а лишь его словесной формы. Само собой разумеется, имена действующих лиц заменены на вымышленные. Рассказчиком является сам доктор. Приводимые заметки выбраны из множества описаний болезни, составленных им шестьдесят четыре года назад, во время поездки в Англию.

Заинтересовавший меня материал изложен в нескольких письмах, адресованных другу доктора, профессору Ван Лоо из Лейдена¹. Адресат был по профессии не врачом, а химиком, но принадлежал к числу тех людей, которые посвящают свое свободное время изучению самых разнообразных наук: и истории, и метафизики, и медицины. Некогда вышеназванному профессору случилось даже написать пьесу.

Таким образом, рассказ отчасти утрачивает свою ценность как документ, имеющий отношение к медицинской науке, но зато выигрывает в занимательности и способен заинтересовать даже не искушенного в тонкостях врачевания читателя.

Из сопроводительной записки ясно, что письма, по-видимому, были возвращены доктору Хесселиусу после смерти профессора, в 1819 году. Некоторые из них писаны по-английски, другие — по-французски, но большая часть — по-немецки. Сознаю, что мой перевод не заслуживает эпитета «изысканный», но в верности оригиналу ему не откажешь. И пусть я позволил себе иные отрывки опустить, иные — подсократить, однако же не присочинил при этом ни слова.

1. Доктор Хесселиус рассказывает о своей первой встрече с преподобным мистером Дженнингсом

Преподобный мистер Дженнингс высок и худ. Он средних лет; в его аккуратности, в старомодной манере одеваться проступает консервативная чопорность. Он держится, разумеется, с подчеркнутым достоинством, но без скованности, — нет, на истукана мистер Дженнингс не походит нисколько. До красавца ему далеко, однако черты лица у него правильные и запечатлена в них безграничная доброта с примесью робости.

Я впервые увидел мистера Дженнингса однажды вечером у леди Мэри Хейдьюк. Его очевидная скромность и благожелательность располагают к нему людей при первом же знакомстве.

Гостей собралось немного, и мистер Дженнингс внес свой весьма приятный вклад в

¹ *Лейден* — город в Нидерландах, славится своим университетом, основанным в 1575 г.

беседу. Заметно было, что он предпочитает скорее слушать, чем говорить, но речи его всегда уместны по содержанию и отточены по форме. Он ходит в любимцах у леди Мэри, которая, кажется, испрашивает у него совета по самым разным поводам и убеждена, что на свете нет человека счастливее его. Плохо же она его знает!

Преподобный мистер Дженнингс холост и, как говорят, является обладателем шестидесяти тысяч фунтов в государственных бумагах. Он не чуждается благотворительности. Его пламенное желание — подвизаться на церковной ниве, но всякий раз, когда он бывает в Уорикшире², где служит викарием, и может наконец отдаться своему святому призванию, здоровье, обычно его не подводящее, неизменно отказывается, причем весьма странным образом. Об этом мне известно со слов леди Мэри.

Да, несомненно, на мистера Дженнингса находит временами таинственная хвороба, неоднократно настигавшая его даже во время богослужения в чудесной старинной церкви в Кенлисе³. Кто знает, где гнездится болезнь: в сердце или в голове. Раза три-четыре, а то и чаще, отслужив определенную часть священного ритуала, он внезапно замолкал и после некоторой паузы, судя по всему, совершенно неспособный продолжать службу, воздевал к небу глаза и руки в немой молитве, а затем, охваченный непонятным стыдом и ужасом, трепеща, сходил с кафедры и направлялся в ризницу, покинув свою недоумевающую паству на произвол судьбы. Происходили такие сцены всегда в отсутствие помощника священника. В настоящее время, отправляясь в Кенлис, мистер Дженнингс всегда заботится о том, чтобы рядом с ним в храме находилось еще одно лицо духовного звания, готовое в случае надобности принять священное бремя из его ослабевших рук.

Но стоит мистеру Дженнингсу сдать окончательно, покинуть свой приход и возвратиться в Лондон, в свой тесный дом на темной улочке в районе Пиккадилли, он чувствует себя как нельзя лучше: так полагает леди Мэри, а я придерживаюсь на этот счет особого мнения. Ну что ж, будущее покажет.

Мистер Дженнингс — джентльмен с головы до пят. Однако люди замечают в нем некоторые странности. Создается впечатление, что в нем кроется нечто непонятное. В этом отчасти повинно одно обстоятельство, о котором, насколько я понимаю, люди забывают либо просто не придают ему значения. Мне же эта особенность бросилась в глаза, причем почти сразу. У мистера Дженнингса есть манера кидать косые взгляды вниз, на ковер. Можно подумать, что он сопровождает глазами что-то движущееся. Так, разумеется, бывает не всегда, а время от времени. Но достаточно часто, чтобы, как я уже говорил, манеры мистера Дженнингса казались в определенной степени необычными. В этом соскальзывающем вниз взгляде чудятся одновременно и робость, и беспокойство.

Философствующий медик (как Вы, со свойственной Вам любезностью, меня наименовали), который при разработке теории опирается на данные, полученные в ходе своей практической деятельности, посвящает всестороннему изучению указанных данных много больше времени, чем обычный врач, и, соответственно, заметно превосходит этого последнего в том, что касается тщательности и детальности анализа: такой медик незаметно для себя самого приобретает привычку к внимательному наблюдению. Эта привычка сопровождает его повсюду, а объектом такого бесцеремонного, как полагают иные, наблюдения может стать любой, лишь бы имелась хоть малейшая надежда, что полученные таким образом данные вознаградят исследователя за его старания.

Именно упомянутая надежда и воодушевила меня, когда в небольшой приятной компании, собравшейся вечером в доме леди Мэри, я впервые встретил робкого, любезного, но сдержанного джентльмена — преподобного мистера Дженнингса. Разумеется, нижеследующие заметки включили в себя не все, что мне стало известно: детали,

² *Уорикшир* — графство в Центральной Англии.

³ *Кенлис* — живописное местечко в графстве Уорикшир.

интересные лишь специалистам, я здесь не привожу — их можно найти в моих научных трудах.

Должен заметить, что, когда я говорю о «медицинской науке», я (и надеюсь, со временем круг моих единомышленников пополнится) употребляю этот термин в более широком смысле, чем допускает сугубо материалистический подход. Я полагаю, что окружающий нас материальный мир является конечным выражением духовного мира, его порождением и составной частью. Я считаю, что в основе человеческой личности лежит духовное начало, что дух — это организованная материя, но от материи в обычном понимании слова он отстоит столь же далеко, сколь свет или электричество; что физическое тело есть не более чем оболочка и, соответственно, смерть не кладет конец существованию человеческой личности, а всего лишь освобождает ее от физического покрова. Процесс освобождения начинается с того момента, который мы называем смертью, и завершается несколькими днями позднее пробуждением к высшей жизни.

Если поразмыслить над обрисованными выше постулатами, то обнаружится, что они имеют непосредственное отношение к медицинской науке. Однако было бы неуместно приводить здесь аргументы и анализировать следствия этой теории, признаваемой, к сожалению, лишь немногими.

И вот я, по своему обыкновению, тайком, весьма осторожно наблюдал за мистером Дженнингсом (думаю, он это заметил) и обнаружил, что он, в свою очередь, тоже потихоньку наблюдает за мной. Когда же леди Мэри случайно обратилась ко мне по имени, я заметил, что преподобный Дженнингс взгляделся в меня пристальней и после этого минутную другую пребывал в задумчивости.

Затем, беседуя с одним из присутствующих, я уловил, что мистер Дженнингс не спускает с меня глаз. О причине его интереса ко мне я догадывался. Вскоре он, воспользовавшись удобным случаем, завел разговор с леди Мэри, и я, как это обычно бывает, уже не сомневался, что речь идет о моей персоне.

Священник постепенно перемещался туда, где я стоял, и вскоре между нами завязалась беседа. Когда встречаются два начитанных и много повидавших человека, можно ли сомневаться, что им найдется, о чем поговорить? Привела мистера Дженнингса ко мне отнюдь не случайность. Он знал немецкий и прочел мои «Очерки метафизической медицины» — книгу, которая дает больше поводов для размышлений, чем устанавливает истин.

Этот весьма учтивый джентльмен, робкий и явно склонный к чтению и философствованию, который, пребывая в нашем кругу, все же казался здесь в определенной мере инородным телом, — этот человек, хранивший, как я начал подозревать, перипетии своего существования в строжайшей тайне не только от света, но и от своих ближайших друзей, осторожно взвешивал в уме ряд идей, имевших касательство ко мне.

Незаметно для него я проник в его мысли и теперь всячески старался усыпить бдительность собеседника, не выдать случайным словом, что у меня зародились кое-какие догадки по поводу как его личных обстоятельств, так и планов, связанных со мной.

После недолгой беседы на общие темы мистер Дженнингс наконец сказал:

— Меня очень заинтересовали, доктор Хесселиус, некоторые ваши работы о метафизической медицине, как вы ее называете. Я их читал на немецком лет десять-двенадцать назад. Они переведены на английский?

— Нет, уверен, что нет, в противном случае я бы об этом знал. Думаю, для перевода требуется мое согласие.

— Около двух месяцев назад я просил здешних издателей достать мне эту книгу в оригинале, на немецком, но мне сказали, что она уже разошлась.

— Да, она действительно уже несколько лет как распродана. Моему авторскому тщеславию льстит, что вы не забыли мою книжечку, хотя, — заметил я с улыбкой, — десять-двенадцать лет достаточно большой для этого срок. Остается предположить, что либо затрагиваемые в ней предметы являются постоянной темой ваших размышлений, либо какие-

то недавние события стали поводом для возобновившегося интереса к моим скромным трудам.

Эти слова и мой пристальный вопрошающий взгляд внезапно повергли собеседника в растерянность, так что он напомнил мне зардевшуюся от смущения девицу. Мистер Дженнингс уставился в пол, не зная, куда девать руки, скрестил их на груди, и на мгновение вид у него сделался не только ошеломленный, но прямо-таки виноватый.

Я воспользовался наилучшим способом преодолеть неловкость, а именно: притворился, будто не заметил ее вовсе, и как ни в чем не бывало продолжал:

— Случалось — и не однажды, — что у меня вновь возникал интерес к какой-либо давно оставленной теме: одна книга наводит на мысль о другой, и часто невольно приходится сломя голову гоняться за материалами, с которыми имел дело лет двенадцать назад. Если вам по-прежнему нужна моя книга, я с радостью исполню ваше желание; у меня осталось два-три экземпляра, и я почту за честь преподнести вам один из них!

— Вы чрезвычайно любезны, — отозвался мистер Дженнингс, мгновенно овладев собой. — А я уж было отчаялся; не знаю, как мне вас благодарить.

— Умоляю, ни слова более. Это, право, такая малость, что и предлагать неловко. Еще одно упоминание о благодарности, и я в порыве самоуничижения брошу книгу в огонь.

Мистер Дженнингс улыбнулся. Он осведомился, где я остановился в Лондоне, затем мы коротко поговорили о всякой всячине, после чего он удалился.

2. Доктор расспрашивает леди Мэри, и она отвечает

— Я в восторге от вашего викария, леди Мэри! — воскликнул я, как только мистер Дженнингс удалился. — Он много читал, путешествовал, думал, страдал наконец, так что из него просто обязан был выйти великолепный собеседник.

— Так оно и есть. А самое главное — он очень хороший человек, — ответила мне хозяйка дома. — Я пользуюсь его неоценимыми советами в делах, связанных со школами и прочими моими скромными начинаниями в Долбридже⁴, и он не жалеет усилий, хлопочет, не считаясь со временем, если может быть чем-либо полезен. Вы даже представить себе не можете, сколько в нем доброты, до чего он умен.

— Приятно слышать, что мистер Дженнингс такой замечательный сосед. Я имел случай оценить его как собеседника — скромного, располагающего к себе. А к вашему описанию я тоже, сдастся мне, мог бы кое-что добавить.

— Да что вы говорите!

— Во-первых, он холост.

— Да, верно. Продолжайте.

— Он писал, но теперь не пишет, забросил это занятие, вероятно, года два-три назад. Книга его была посвящена какому-то отвлеченному предмету — возможно, теологии.

— Что ж, он действительно писал книгу; не могу только припомнить, о чем, но уж точно не на близкую мне тему, так что, скорее всего, вы правы. А сейчас он в самом деле больше не пишет — сомнений нет.

— И хотя он здесь сегодня не пил ничего, кроме чашечки кофе, он питает слабость к чаю — или, по крайней мере, питал, — и вкус у него экстравагантный.

— Да-да, чистая правда.

— Он пил зеленый чай, причем в больших количествах, — продолжил я.

— Ну и ну! Из-за этого зеленого чая у нас едва не доходило дело до ссор.

— Но сейчас он отказался от этой привычки?

— Да, полностью.

— А теперь еще кое-что. Знали вы его родителей?

⁴ Эммануэль Долбридж — небольшой городок в Уорикшире.

— Обоих. Отец его умер всего лишь десять лет назад. Они жили неподалеку от Долбриджа. Мы с ними были в дружеских отношениях, — ответила леди Мэри.

— Далее: либо матери мистера Дженнингса, либо отцу — скорее всего, отцу — являлись призраки.

— Да вы волшебник, доктор Хесселиус!

— Волшебник или не волшебник, но я прав? — спросил я весело.

— Безусловно. Его отец был человек замкнутый и с причудами и вечно досаждал моему отцу пересказом своих снов. В один прекрасный день он поведал очень необычную историю: о том, как ему встретилось привидение, с которым у него завязалась беседа. Этот рассказ особенно запомнился мне по той причине, что я отчаянно боялась мистера Дженнингса-старшего. Дело происходило задолго до его смерти, во времена моего детства. Мистер Дженнингс был человек молчаливый и хмурый. Он имел обыкновение появляться в гостиной в сумерки, когда я сидела там одна. В таких случаях я воображала себе, что вижу выглядывающих у него из-за спины духов.

Я улыбнулся и кивнул.

— Ну, а теперь, когда я окончательно утвердился в роли волшебника, пришла пора пожелать вам доброй ночи.

— Но как же вы все это узнали?

— По расположению планет, разумеется, как делают цыгане, — откликнулся я, и мы распрощались на веселой ноте.

На следующее утро я отослал мистеру Дженнингсу его вожденную книжицу, приложив к ней записку. Вернувшись домой вечером, я узнал, что мистер Дженнингс наведывался сюда в мое отсутствие и оставил свою визитную карточку. Он осведомлялся, дома ли я и когда меня можно застать.

Не намеревался ли он рассказать о том, что его беспокоит, и испросить моих медицинских услуг? Надеюсь, так оно и было. Я уже успел подобрать ключ к тайне его личности. Сведения, полученные мной от леди Мэри в тот вечер, немало этому поспособствовали. И мне очень хотелось услышать подтверждение своих догадок из уст самого мистера Дженнингса. Но как побудить его к откровенности, не выходя при этом из рамок приличия? Крайне сложно. Вероятно, он и сам подумывает о беседе по душам? Сделаю все, чтобы дать ему такую возможность, и для этого, дорогой мой Ван Лоо, я намерен нанести ему завтра визит. Это будет не более чем ответная любезность с моей стороны. Таким путем я надеюсь приблизиться к цели. Удастся мой замысел или нет, об этом я вас извещу.

3. Доктор Хесселиус извлекает некоторые сведения из латинских книг

Ну так вот, я побывал на Бланк-стрит. Из разговора в дверях со слугой я узнал, что мистер Дженнингс в настоящую минуту занят: беседует с неким священнослужителем из Кенлиса (прихода мистера Дженнингса). Чтобы сохранить за собой возможность явиться еще раз, я сказал, что зайду в другое время, и намеревался уже удалиться, когда слуга извинился и, окинув меня взглядом несколько более внимательным, чем пристало человеку его положения, спросил, не я ли доктор Хесселиус. Получив утвердительный ответ, слуга сказал: «Раз так, сэр, то не разрешите ли мне доложить об этом мистеру Дженнингсу, поскольку он, как мне известно, очень желает вас видеть?»

Слуга скоро вернулся и сообщил, что мистер Дженнингс просит меня подождать в его кабинете (который заменяет гостиную), где он через несколько минут ко мне присоединится.

Комната действительно заслуживала названия кабинета, даже более того — библиотеки. Высокий потолок, два высоких окна, пышные темные гардины. Помещение оказалось значительно обширней, чем можно было ожидать, и всюду, от пола до потолка, громоздились книги. Верхний ковер — а я, вступив на него, почувствовал, что под ним

имеется еще один, а то и два, — турецкий. Ноги мои ступали совершенно беззвучно. Узкие окна из-за помещавшихся рядом книжных шкафов оказывались в глубоких нишах. А в целом комната, очень уютная, даже роскошная, выглядела мрачноватой. Добавьте сюда еще нерушимую тишину, и впечатление получится едва ли не тягостное. Впрочем, на мое тогдашнее расположение духа влияли, вероятно, еще и какие-то побочные факторы. Преподобный Дженнингс казался мне человеком необычным, и в этом на редкость безмолвном доме, на пороге абсолютно беззвучной комнаты, я был охвачен неким особым предчувствием. Полумрак, заполнившие все вокруг книги (кроме них на стенах висели только два узких зеркала) не располагали к бодрости.

В ожидании мистера Дженнингса я от нечего делать стал рассматривать книги на полках. Среди книг, стоявших корешками вверх на полу под полками, я неожиданно обнаружил полное издание «Arcana Caelestia»⁵ Сведенборга⁶. Это были очень красивые тома in folio⁷ в аккуратных кожаных переплетах, приличествующих богословскому сочинению, с золочеными надписями и пунцовым обрезом. В нескольких имелись закладки. Один за другим я взгромоздил фолианты на стол и, открыв заложенные страницы, прочел высказывания на величавой латыни, которые были отмечены на полях карандашом. Некоторые из них, в переводе на английский, я привожу ниже.

«Когда открыто внутреннее око человека, око его души, тогда ему являются вещи, принадлежащие к иному миру, обычному зрению недоступные...

Мне дано было узреть внутренним оком потусторонний мир яснее, чем я вижу здешний. Это свидетельствует о том, что внешнее зрение происходит от внутреннего, а последнее, в свою очередь, от еще более глубокого, и так далее...

Каждого человека сопровождает не менее двух злых духов...

Духи зла и в речах проворны, но при этом язык их резок и суров. Однако не всем их речам присущи бойкость и напор: в некоторые из них порочные мысли вкраплены едва заметно.

Те злые духи, что сопутствуют человеку, суть выходцы из ада, однако в аду более не пребывают, но исторгнуты оттуда. Их место при этом между небесами и преисподней, и зовется оно миром духов. Духи, вселившиеся в человека, будучи в названном мире, от адских мук удалены, но разделяют все без изъятия помыслы и страсти человека, а следственно, и в наслаждениях с ним едины. Ввергнутые же снова в ад, они возвращаются к тому, чем были ранее...

Когда бы злым духам дано было постичь, что, связанные с человеком, они имеют при том отдельное от него существо, когда бы в их власти было перемещаться в его теле и проникать в его различные члены, то они бы измыслили тысячу способов повредить человеку, ибо в них живет лютая к нему ненависть...

И вот, зная, что я есть человек, облеченный телом, они не оставляли попыток сокрушить меня, и не только тело мое, а первее всего душу, ибо вовлечь в погибель человека ли, духа ли есть величайшая радость для посланцев ада, однако Господь неизменно оборонял меня. Узрите же, сколь опасно человеку иметь общение с духами, если не укрывает его твердыня веры...

Сопутствование человеку — старательнее всего хранимая от духов тайна; иначе, прознав об этом, они бы обратили к нему злонамеренные речи, желая погубить его...

Излюбленное услаждение адских сил — вредить человеку и увлекать его к вечной гибели».

⁵ «Небесные тайны» (лат.).

⁶ Эммануэль Сведенборг (1668—1772) — шведский естествоиспытатель, мистик и теософ.

⁷ В полный лист (лат.).

Я обратил внимание на длинную запись в конце страницы, сделанную остро отточенным карандашом. Аккуратный почерк принадлежал мистеру Дженнингсу. Ожидая увидеть комментарии к тексту, я прочел несколько слов и остановился в удивлении, ибо обнаружил нечто совершенно иное. Записи начинались словами: «Deus misereatur mei!» — «Господи, сжался надо мной». Убедившись таким образом, что едва не вторгся в тайники чужой души, я отвел глаза, захлопнул книгу и поставил на прежнее место все тома, за исключением одного, заинтересовавшего меня, в который, как и пристало книжнику и отшельнику, ушел с головой, забыв даже думать об окружающем мире и о том, где сейчас нахожусь.

Я читал страницы, где речь идет об «олицетворениях» и «подобиях» (таковы термины, употребляемые Сведенборгом), и дошел до того места, где говорится, что злой дух глазам любого существа, ему не родственного, предстает, по закону подобия, в образе свирепого и ужасного зверя (fera), олицетворяющего те вожделения, которые ему присущи. Тема трактуется подробно, с описанием многих разновидностей этих зверей.

4. Книгу читали двое

Я читал, водя краем пера по строчке, и вдруг что-то заставило меня поднять глаза.

Прямо передо мной в одном из уже упомянутых зеркал отражалась высокая фигура моего друга, мистера Дженнингса, который, склонясь над моим плечом, углубился в чтение той же страницы, что и я. Лицо его, мрачное, искаженное волнением, трудно было узнать.

Я повернулся к нему и встал. Он тоже выпрямился и, с усилием изобразив улыбку, проговорил:

— Я вошел, поздоровался, но вас было не оторвать от книги, поэтому я не удержался от любопытства и позволил себе — боюсь, бесцеремонно — взглянуть, что вы читаете. Вам ведь довелось уже много ранее ознакомиться с трудами Сведенборга?

— Да, разумеется! Сведенборгу я обязан многим, следы его влияния вы обнаружите в той книжке о метафизической медицине, к которой вы проявили столь лестный для меня интерес.

Какие старания ни прилагал мой собеседник в попытках изобразить беззаботность, по его слегка порозовевшему лицу я понял, что он взволнован.

— Едва ли это мне по плечу, я ведь плохо знаю Сведенборга, — ответил он. — Эти тома я приобрел недели две назад. Как мне показалось — судя по той малости, что я успел прочесть, — они способны повергнуть в трепет человека, ведущего уединенную жизнь. Я не хочу сказать, что это произошло со мной, — добавил он с улыбкой. — Весьма признателен за книгу. Надеюсь, вы получили мою записку?

Я произнес все те фразы, какие диктовались вежливостью и скромностью.

— Еще ни одна книга не задевала меня за живое так, как эта, — продолжал Дженнингс. — Я заметил сразу: за ней стоит нечто большее, чем изложено на бумаге. Вы знакомы с доктором Харли? — спросил он внезапно.

(Между прочим замечу, что так звался один из наиболее выдающихся врачей, практиковавших в Англии. — *Издатель*).

Я успел познакомиться с доктором Харли и, поскольку имел к нему рекомендательные письма, удостоился в высшей степени любезного приема. Кроме того, пока я был в Англии, он оказал мне немалые услуги.

— Большого дурня мне, пожалуй, встречать не доводилось, — отрезал мистер Дженнингс.

Впервые я слышал от него такое резкое высказывание, да еще по поводу столь уважаемой особы. Я слегка опешил.

— В самом деле? А в чем это проявляется?

— В профессиональной области.

Я улыбнулся.

— Я вот что имею в виду, — продолжал он. — Мне представляется, что он наполовину слеп. То есть половина того, что он видит, окутана тьмой, другая же ясна и до неправдоподобия прозрачна. И хуже всего то, что такое восприятие он культивирует в себе *намеренно*. Мне его не понять: он постоянно увиливает. Я немного знаю Харли как врача, но в области медицины меня тянет сравнить его с паралитиком: мозг его наполовину мертв. Как-нибудь при случае, а таковой непременно представится, я расскажу вам об этом во всех подробностях, — говорил Дженнингс с легкой дрожью в голосе. — Насколько мне известно, вы собираетесь пробыть в Англии еще не один месяц. Если в это время мне придется ненадолго отлучиться из города, не разрешите ли побеспокоить вас письмом?

— Буду счастлив, — заверил я.

— Весьма признателен. В Харли я разочаровался совершенно.

— Он склоняется в сторону материалистической школы, — заметил я.

— Материалист до мозга костей, — поправил меня Дженнингс. — И передать не могу, как раздражает такая позиция тех, кто мыслит глубже. Пожалуйста, не говорите никому из наших общих знакомых, что я захандрил. Я держу в тайне от всех, даже от леди Мэри, что обращался к доктору Харли, да и вообще к врачам. Так что прошу вас: ни слова об этом. В случае приближения приступа я напишу вам, если разрешите, а будучи в городе, обращусь напрямую.

В моей голове роились всевозможные догадки, и я невольно устремил на священника испытующий взгляд. Дженнингс на миг опустил глаза и произнес:

— Вы, без сомнения, раздумываете над вопросом, почему бы мне теперь же не сообщить вам, в чем дело, или строите гипотезы на этот счет. Можете ломать голову хоть до второго пришествия — это бесполезно.

Он покачал головой, и по его лицу солнечным лучиком мелькнула улыбка, но внезапно она скрылась за набежавшим на нее облаком, и мистер Дженнингс сквозь стиснутые зубы набрал в легкие воздух: так вдыхают люди, испытывающие сильную боль.

— Печально слышать, что вам приходится опасаться за свое здоровье; если понадобится помощь врача, обращайтесь ко мне в любую минуту. Излишне добавлять, что я не злоупотреблю вашим доверием.

Тут мистер Дженнингс перевел разговор на совершенно иные темы, и вскоре я довольно весело откланялся.

5. Доктор Хесселиус получает приглашение в Ричмонд⁸

Хотя расстались мы на мажорной ноте, но ни он, ни я к веселью расположены не были. Пусть я врач и нервы мои закалены, но иногда бывает так, что выражение человеческого лица — этого зеркала души — выводит меня из равновесия. Взгляд мистера Дженнингса преследовал меня; он настолько потряс мое воображение, что пришлось отказаться от прежних планов на вечер и отправиться в оперу, дабы развеяться.

Дня два или три я не получал известий ни от Дженнингса, ни о нем, а затем мне вручили довольно бодрую, исполненную надежд записку. Там было сказано, что ему в последние дни стало значительно лучше — можно сказать, он совсем здоров, а потому намерен на месяц-другой вернуться в свой приход и посмотреть, что из этого получится. Он не устает благодарить небо за свое — как надеется — выздоровление.

Через день-другой я увиделся с леди Мэри, и она подтвердила то, о чем говорилось в записке. Леди Мэри сказала, что мистер Дженнингс в настоящее время находится в Уорикшире — вновь приступил к выполнению своих пасторских обязанностей в Кенлисе. Она добавила: «Я начинаю верить, что мистер Дженнингс абсолютно здоров, да и прежде не страдал ничем, кроме нервов и воображения. У нас у всех нервы не в порядке, но, думаю, от

⁸ Ричмонд — город на южном берегу Темзы, входящий в состав Большого Лондона.

такого недуга есть средство: работа. К нему он и обратился. Не удивлюсь, если мы еще год его здесь не увидим».

И все же двумя днями позже я держал в руках письмо, посланное мистером Дженнингсом из его дома вблизи Пиккадилли:

«Дорогой сэр!

Я снова в Лондоне. Мои надежды обернулись ничем. Если буду в силах увидеться с Вами, то отправлю письмо с просьбой зайти ко мне. Теперь же я слишком плох — попросту не способен рассказать Вам все, что мне хотелось бы. Прошу, не упоминайте обо мне в разговорах с моими знакомыми. Я сейчас не в состоянии ни с кем видаться. А Вам я, с Божьей помощью, вскоре еще дам о себе знать. Пока что я собираюсь ненадолго съездить в Шропшир⁹, к родным. Храни Вас Господь! По возвращении надеюсь встретиться с Вами, и пусть встреча наша окажется более радостной, чем это письмо».

Неделей позже я наведлся к леди Мэри. Лондонский сезон подошел к концу, поэтому все знакомые леди Мэри, по ее словам, уже разъехались, а она сама намеревалась со дня на день отправиться в Брайтон¹⁰. Леди Мэри сказала, что получила из Шропшира известие — от племянницы Дженнингса, Марты. Из письма она поняла только, что мистер Дженнингс чем-то обеспокоен и пребывает в подавленном настроении. Здоровые люди не принимают такие слова всерьез, но какие же муки таятся за ними иной раз!

В дальнейшем новостей о мистере Дженнингсе долго не поступало. Лишь на исходе пятой недели я получил от него письмо. Вот что там было сказано:

«Я жил за городом, сменил климат, обстановку, окружение — сменил все, кроме *самого себя*. Я решил — я преисполнен решимости — все Вам рассказать. Если это не нарушит Ваши планы, жду Вас у себя сегодня, завтра или послезавтра, но умоляю, приходите как можно скорее. Вы и представить себе не можете, как я нуждаюсь в Вашей помощи. У меня есть дом в Ричмонде, в тихом месте. Там я теперь и нахожусь. Надеюсь, Вы найдете время пообедать со мной, или позавтракать, или даже попить чаю. Найти меня проще простого. Слуга с Бланк-стрит, который доставит эту записку, будет ждать у Ваших дверей в коляске в любой удобный для Вас час, я же всегда на месте. Вы скажете, конечно, что мне не следует оставаться в одиночестве. Но я перепробовал все. Приходите и убедитесь сами».

Я позвал слугу и сказал, что собираюсь к мистеру Дженнингсу в тот же вечер.

Вечером, когда я по короткой сумрачной аллее из вязов подъезжал к старомодному кирпичному дому, затененному и почти совсем скрытому густой листвой, мне подумалось, что лучше бы мистер Дженнингс остановился в меблированных комнатах или в гостинице. Избрав это место, такое унылое и безмолвное, он поступил необдуманно. Дом, как я узнал, принадлежал мистеру Дженнингсу. Проведя день или два в городе, но решив почему-то, что оставаться там долее ему невозможно, мистер Дженнингс прибыл сюда. Объяснялся этот переезд, вероятно, тем, что здесь он жил на всем готовом, был предоставлен сам себе и свободен от необходимости думать и принимать решения.

Солнце уже село, и с запада струился красноватый рассеянный свет, какой бывает только вечером, — зрелище, знакомое каждому. В холле было совсем темно, но в дальнюю гостиную, окна которой выходили на запад, проникал все тот же сумеречный свет.

Я сел и устремил взгляд в окно: деревья, в изобилии росшие окрест, были залиты медленно меркнувшим заревом, величественным и печальным. В углах комнаты уже сгустились тени; очертания предметов начали расплываться, сумрак постепенно проникал и в мое воображение, готовое к встрече с чем-то зловещим. Так я дожидался в одиночестве,

⁹ *Шропшир* — графство в Англии, на северо-западе от Лондона; граничит с Уэльсом.

¹⁰ *Брайтон* — портовый город и фешенебельный приморский курорт в графстве Суссекс, на южном побережье Англии. Считался особенно модным в XIX в.

пока не явился мистер Дженнингс. Открылась дверь передней комнаты, и, плохо различимая в красноватом вечернем освещении, показалась его высокая фигура. Он вошел неспешно, крадущимися шагами.

Мы обменялись рукопожатием, и Дженнингс уселся рядом со мной у окна, где было еще достаточно светло, чтобы видеть лица друг друга. Он тронул меня за рукав и, минуя околичности, сразу же приступил к рассказу.

6. Как мистер Дженнингс впервые обнаружил, что он теперь не один

Перед нами на западе слабо светился небосклон, величаво раскинулись безлюдные в те дни леса Ричмонда, а вокруг сгушался сумрак, и на неподвижном лице моего собеседника (оставаясь добрым и ласковым, оно все же изменилось: увидев его, вы сказали бы, что это лицо страдальца) покоился случайный тусклый отблеск вечерней зари; бывает так, что это неяркое сияние внезапно выхватывает из тьмы какой-нибудь предмет и на его поверхности мгновение-другое пляшут неотчетливые светлые блики. Тишина не нарушалась ничем — ни дальним громоуханием экипажа, ни лаем собаки. Внутри дома также царил безмолвие — уныние холостяцкого жилища, которое посетила болезнь.

Вглядываясь в это искаженное мукой лицо, странно рдевшее на фоне темноты и похожее на портрет кисти Схалкена¹¹, я догадывался, какого рода историю мне предстоит услышать, но о конкретных подробностях не имел ни малейшего представления.

— Началось это, — произнес мистер Дженнингс, — пятнадцатого октября, тому назад три года, одиннадцать недель и два дня. Я веду точный счет, ибо каждый новый день приносит новую муку. Если вы заметите, что я упустил в своем рассказе какую-нибудь существенную подробность, скажите об этом сразу... Года четыре назад я приступил к работе, ради которой мне пришлось очень много читать и размышлять. Посвящена она была религиозной метафизике древних.

— Как же, — вставил я, — религия просвещенного, философствующего язычества, не имеющая ничего общего с идолопоклонством. Широкое и весьма интересное поле для исследований.

— Да, но опасное для разума — я имею в виду разум христианина. Язычество — единая система, включающая в себя все аспекты мировосприятия. Языческая вера вовлекает в свой порочный круг и искусство, в котором как стиль, так и предмет представляют собой не что иное, как коварное, погибельное прельщение. Господи, помилуй!

Я писал и писал, я засиживался за этим занятием допоздна. Я обдумывал тему своей работы везде и всюду, куда бы ни занесли меня ноги; я пропитался ею до мозга костей. Вспомните материальную культуру язычества: в ней всегда в той или иной степени присутствует красота. Язычество восторгает и увлекает; оно заставило меня забыть об осторожности. — Он тяжело вздохнул. — Я полагаю, каждый ученый, пишущий серьезное исследование, работает, как выразился один мой приятель, *на чем-нибудь*: чае, к примеру, кофе или табаке. Мне кажется, при этом мы расходует определенный материал, который должен время от времени восполняться, или же ударяемся за философскими занятиями в абстракции, и разум чересчур высоко воспаряет над телом, если не напоминать ему о связи с бренным миром при помощи каких-либо ощущений. Во всяком случае, я испытывал подобную потребность и удовлетворял ее. Моим помощником стал чай: сперва самый обычный, черный и не слишком крепкий, но пил я его в больших количествах, а со временем еще увеличил концентрацию. Никаких неприятных последствий я не испытывал. Потом

¹¹ ...портрет кисти Схалкена. — Готфрид Схалкен (1643—1706) — голландский живописец и гравер. Изображал преимущественно бытовые сцены, причем любил освещать их пламенем свечи. Пробовал свои силы также в пейзаже и в исторической живописи. Некоторое время работал в Англии, где его произведения, особенно портреты, пользовались большим почетом. Ле Фаню сделал его героем рассказа «Схалкен-живописец» (1839; в переработанном виде — 1880).

принялся за зеленый чай и нашел, что он приятней: проясняет мысли и обостряет ум. Я стал пить его часто, но обычной крепости, дающей наилучший вкус. Работал я в Ричмонде, благо обстановка здесь такая спокойная. Я засиживался и писал допоздна, как раз в этой комнате, и по привычке все попивал чай — зеленый чай. Я готовил его прямо на столе, в металлическом чайничке, который подвешивал над лампой. Между одиннадцатью и двумя или тремя часами ночи, когда наступала пора ложиться спать, я устраивал чаепитие раза два-три. В городе я бывал каждый день. Я не монах и на бирюка, насколько могу судить, не похож ничуть. Час-другой мне приходилось проводить в библиотеке, отыскивая необходимые сведения и цитаты из сочинений авторитетных специалистов, но, кроме того, я, по своему обыкновению, часто встречался с друзьями и с удовольствием проводил время в их обществе — короче, наслаждался жизнью, как никогда ранее.

Я свел знакомство с владельцем нескольких редких старинных книг, изданных в Германии на средневековой латыни, и почитал себя счастливчиком оттого, что могу поддержать их в руках. Мой благодетель жил в Сити¹², в отдаленном квартале. Однажды я засиделся у него дольше обычного. Выйдя на улицу и не увидев поблизости ни одного кеба, я поддался искушению сесть в омнибус, который ходил вблизи моего дома. Когда омнибус достиг одного старого здания (вы, возможно, обратили на него внимание, там по обе стороны двери растут по четыре тополя), было уже темно — темнее, чем сейчас. Со мной вместе вошел единственный, за исключением меня самого, пассажир. Мы поехали быстрее. Были сумерки. Я удобно устроился в уголке у двери и предался приятным раздумьям.

Внутри омнибуса было почти совсем темно. В углу напротив, в передней части салона, я заметил два кругляшка, светившихся красноватым отраженным (как мне показалось) светом. Расстояние между ними составляло около двух дюймов. Они напоминали две медные пуговички, какие нашивают на свои кители яхтсмены. Я принялся лениво размышлять об этой, как я полагал, безделице. Из какого источника струится этот густокрасный, хотя и неяркий, свет и в чем он отражается: в стеклянных бусинах, пуговичках, безделушке? Омнибус все ехал, слегка погромыхая, до моего дома оставалось около мили. Я еще не разрешил загадку, и вскоре мне показалось, что она труднее, чем я думал вначале, так как две светящиеся точки, внезапно дернувшись, переместились ближе к полу, оставаясь по-прежнему на одной высоте, да и расстояние между ними не изменилось. Потом они вдруг взлетели до уровня моего сиденья и исчезли из виду.

Тут любопытство разобрало меня по-настоящему, но не успел я поразмыслить, как снова увидел два тусклых огонька, и опять у самого пола. Вновь они исчезли и затем появились в том же углу, что и прежде.

Не сводя глаз с этих крохотных красных кружков, я стал потихоньку продвигаться к ним поближе.

В омнибусе было слишком мало света. Я склонился вперед, пытаясь разглядеть, что же это за огоньки. Притом и светящиеся пятнышки чуть придвинулись ко мне. Я начал различать очертания какого-то темного предмета и вскоре разглядел достаточно ясно, что это небольшая черная обезьянка, которая тянула мордочку мне навстречу. Заинтересовавшие меня кружки оказались ее глазами, и мне почудилось, что она скалит зубы.

Я отпрянул, опасаясь, что обезьяна прыгнет на меня. Оставалось предположить, что кто-то из пассажиров по рассеянности забыл здесь этого уродца. Желая разведать, как настроено животное, но не решаясь воспользоваться для этого своей пятерней, я осторожно ткнул зверя зонтиком. Обезьяна не шевельнулась, а зонтик прошел *сквозь* нее. Да, зонтик проходил насквозь, туда и обратно, не встречая ни малейшего сопротивления.

Я бессилён дать вам понятие о том ужасе, какой тогда испытал. Убедившись, что передо мной иллюзия (как я тогда решил) и мне нельзя уже доверять своим собственным глазам, я был испуган настолько, что несколько мгновений не мог отвести взгляд от глаз

¹² *City* — центральная часть Лондона, где расположены банки, коммерческие и торговые предприятия.

зверя. Я все смотрел, а животное немного отскочило и забилося в угол. В панике, сам не помню каким образом, я очутился у двери и, высунув голову наружу, принялся глотать воздух. Глядя на стоявшие вдоль дороги деревья и фонари, я с радостью убедился, что реальность все еще существует.

Я остановил омнибус и вышел. Когда я расплачивался, кондуктор окинул меня пристальным взглядом. Надо полагать, он усмотрел нечто необычное в моей внешности и манере держаться, и это неудивительно: ни разу в жизни я не чувствовал себя столь странно.

7. Странствие: стадия первая

Когда омнибус укатил, я очутился на дороге один и принялся внимательно осматриваться, опасаясь, что обезьяна последовала за мной. К своему несказанному облегчению, я ее не обнаружил. Не могу вам передать, какое потрясение я в тот день испытал и как возблагодарил небеса, когда решил, что избавился от призрака.

Я вышел из омнибуса слишком рано: до дома оставалось еще две-три сотни шагов. Вдоль пешеходной дорожки тянется кирпичная стена, за стеной — изгородь из тиса или другого темного вечнозеленого растения, а еще дальше выстроились в ряд красивые деревья — вы их, вероятно, заметили, когда добирались сюда.

Кирпичная стена доходит мне до плеча. Случайно подняв глаза, я обнаружил обезьяну, которая на четвереньках ковыляла или кралась по стене, не отставая от меня ни на шаг. Я застыл на месте, охваченный ужасом и отвращением. Она тоже остановилась и села, положив свои длинные лапы на колени и сверля меня взглядом. Видны были только ее очертания: тьма скрадывала детали, но, чтобы стало заметным необычное свечение обезьяньих глаз, черный фон все же не был достаточно густым. Однако я различал эти неяркие красные огоньки. Обезьяна не скалила зубы, не проявляла никаких признаков раздражения; вид у нее был угрюмый и вялый, и она не спускала с меня глаз.

Я отпрянул и оказался на середине дороги. Это движение было невольным. Я стоял там и смотрел на обезьяну. Она сидела неподвижно.

Инстинкт подталкивал меня сделать хоть что-нибудь. Я развернулся и быстро пошел в сторону города, краем глаза следя за животным. Оно поспешило за мной.

Там, где у поворота дороги стена кончается, обезьяна спрыгнула на землю, двумя прыжками догнала меня и по-прежнему держалась ко мне вплотную, как привязанная, хотя я и прибавил шаг. Она жалась к моей левой ноге, и мне казалось, что я вот-вот на нее наступлю.

На дороге было пусто и тихо, тьма сгущалась с каждой минутой. Испуганный и растерянный, я остановился и повернулся кругом, в сторону дома. Пока я стоял неподвижно, обезьяна отдалилась ярдов на пять-шесть и, не сходя с места, наблюдала за мной.

Не подумайте, что я воспринимал происходящее хладнокровно. Мне, как и всем прочим, приходилось, конечно, читать о «фантомных иллюзиях», как окрестили это явление ваши коллеги-врачи. Я понял, с чем имею дело, и осознал, что случилась беда.

Подобного рода болезни, как пишут специалисты, бывают кратковременными, но могут принять и затяжной характер. Я читал о случаях, когда видение, вначале безобидное, постепенно превращалось в столь ужасное, что нервы жертвы не выдерживали. Стоя на дороге в полном одиночестве (если не считать моего хвостатого спутника), я вновь и вновь успокаивал себя словами: «То, что ты видишь, вызвано болезнью, самым обычным заболеванием, вроде оспы или невралгии. Так утверждают все медики, а философы подкрепляют их суждение доказательствами. Не будь глупцом. Ты ложишься спать под утро, пищеварение у тебя вконец расстроено. Вылечишь свою нервную диспепсию¹³, и, с Божьей помощью, все встанет на свои места». Верил ли я тому, что говорил? Ни единому слову,

¹³ Диспепсия — нарушения пищеварения.

подобно всем другим несчастным, попавшим до меня в те же адские сети. Я напускал на себя ложную храбрость, наперекор тому, что чувствовал, более того — знал.

Я пустился в обратный путь. Пройти предстояло всего лишь несколько сот ярдов. Я принудил себя смириться со своим несчастьем, но оправиться от потрясения не сумел.

Ночь я решил провести дома. Зверь наступал мне на пятки, и мне припомнилось, как ведет себя уставшая лошадь или собака, когда ее тянет домой.

Пойти в город я побоялся. Я опасался встретить знакомых, так как понимал, что мне не скрыть своего волнения. Кроме того, отправиться сейчас куда-нибудь развлекаться или бродить, пока не доведу себя до изнеможения, значило чересчур круто изменить свои привычки. Обезьяна выждала у двери, пока я не поднялся по ступенькам, а когда открылась дверь, вошла следом за мной.

В тот вечер я не пил чаю. Я заменил его сигарами и бренди, разведенным водой. Замысел мой заключался в том, чтобы попытаться воздействовать на свой организм путем отказа от привычек, а именно: некоторое время пожить ощущениями и поменьше рассуждать. Я поднялся сюда, в гостиную. Сел там же, где сижу сейчас. Обезьяна взобралась на столик, стоявший тогда вон там. Вид у нее был пришибленный и вялый. Я не знал, чего ожидать, и потому глядел на нее неотрывно. Она тоже смотрела на меня. Я различал блеск ее полуприкрытых глаз. Она не спит никогда и вечно сверлит меня взглядом. Так бывает всюду и всегда.

Остаток того вечера я не стану живописать в подробностях. Расскажу-ка лучше о том, как прошел весь первый год. Ведь протекал он довольно однообразно. Опишу, как выглядит обезьяна при дневном свете. Какие странности мне доводится наблюдать ночью, я поведаю позже. Это некрупная обезьянка, черная с головы до пят. Обращает на себя внимание лишь одно: сквозящая в ее облике злобность, поистине безграничная. В тот год она выглядела слабой и больной. Но под покровом хмурой апатии всегда проступала неослабевающая враждебность. Все это время обезьяна держалась так, будто поставила себе целью наблюдать, но в то же время причинять как можно меньше беспокойства. Она не сводила с меня глаз и была рядом постоянно, при свете и в темноте, днем и ночью. Избавлял меня от нее только сон, а еще, случалось, она исчезала на несколько недель подряд, непонятно почему.

В потемках она видна не хуже, чем днем. Я говорю не только о глазах. Ее окружает ореол, напоминающий свечение тлеющих угольков. Он следует за ней неизменно.

Ее временному исчезновению предшествуют каждый раз одинаковые обстоятельства. Происходит это всегда ночью, в темноте. Обезьяна проявляет сперва признаки беспокойства, затем — ярости; она наступает на меня со сжатыми кулаками, гримасничая и трясясь, вслед за тем в камине появляется пламя. Я никогда не развожу огня в камине: мне не заснуть, если в спальне топится камин. Обезьяна, дрожа от ярости, подбирается все ближе к огню. Ее бешенство достигает, наконец, предела, и тогда она прыгает в камин и исчезает в каминной трубе.

Когда описанная сцена разыгралась в первый раз, я решил, что наступило избавление. Я почувствовал себя другим человеком. Прошел день, ночь — обезьяна не возвращалась. Неделя блаженства, другая, третья. Я не уставал благодарить небеса. Миновал месяц свободы, и внезапно обезьяна вернулась.

8. Стадия вторая

Обезьяна вновь стала моим спутником, и злоба ее, дотоле дремавшая, пробудилась. Во всем прочем обезьяна оставалась прежней. Непривычная агрессивность проявляла себя вначале в движениях и облике зверя, а затем нашла себе новый выход.

Первое время, знаете ли, бросались в глаза только возросшая живость и угрожающий вид обезьяны, словно в ней все время зрел какой-то людоедский замысел. И она по-прежнему не спускала с меня глаз.

— А где она сейчас? — спросил я.

— Сейчас ее нет, — отвечал мой собеседник, — она отсутствует уже ровно две недели и один день. Временами я не вижу ее месяца по два, однажды даже три. Она пропадает каждый раз самое малое на две недели, пятнадцать дней — это наименьший срок. Раз пятнадцать дней прошло, она может вернуться в любую минуту.

— А что бывает, когда обезьяна возвращается?

— Ничего особенного. Просто она снова преследует меня повсюду. Стоит отвести взгляд от книги или повернуть голову, и я снова вижу, как она за мной наблюдает, и до поры до времени от нее уже не избавиться. До сегодняшнего дня я никому об этом не рассказывал так подробно.

Я обратил внимание на то, что мистер Дженнингс возбужден, бледен как смерть и непрерывно подносит ко лбу платок. Мне показалось, что он утомился, и я предложил зайти к нему завтра утром еще раз, но он ответил:

— Я бы предпочел, чтобы вы выслушали меня сегодня, если вам не трудно. Рассказ уже подходит к концу, так что лучше разделаться с ним разом. Доктор Харли не стал слушать все эти подробности. Но вы не просто врач, вы философ. Вы отводите душе то место, которое ей подобает. Если это не видение, а реальность...

Он примолк, устремив на меня беспокойный, испытующий взгляд.

— В свое время мы это обсудим, и очень подробно. Я скажу вам все, что думаю по этому поводу, — пообещал я.

— Меня это радует. Так вот, если то, что я видел, реальность, то она берет надо мной верх; мою душу гложет адская мука. Оптические нервы, сказал доктор Харли. Будто нет других каналов восприятия! Помогите мне, Боже всемогущий! Так слушайте.

Со временем обезьяна обретала все новые опасные способности. Ее злоба переросла в агрессивность. Около двух лет назад, когда некоторые разногласия, разделявшие нас с епископом, были улажены, я переехал в свой приход в Уорикшире, намереваясь всецело отдаться пастырским обязанностям. И тут случилось происшествие совершенно непредвиденное, хотя, поразмыслив, я пришел к выводу, что чего-то подобного следовало ожидать. Я говорю так вот почему...

Заметно было, что каждое слово дается теперь мистеру Дженнингсу с трудом. Он часто вздыхал, и временами казалось, что силы его на исходе. Но волноваться он перестал и походил на больного, изнемогшего в борьбе со смертью.

— Однако прежде всего надобно рассказать вам о моем приходе, Кенлисе.

Когда я добирался отсюда в Долбридж, обезьяна была рядом. Она сопровождала меня во время поездки и ходила за мной по пятам в Кенлисе. Когда я приступил к выполнению своих обязанностей, с этой тварью произошла еще одна перемена. Она явно вознамерилась всячески мне мешать. Она была моим спутником повсюду: у аналая, на кафедре, подле дарохранильницы. Дошло до того, что она вспрыгивала на открытую Библию и сидела там, из-за чего я не в состоянии был прочесть ни строчки. Случалось это неоднократно.

Я временно покинул Долбридж. Мне пришлось полностью довериться доктору Харли и покорно исполнять все его предписания. Он провел немало времени, размышляя над моей болезнью. Видно, мой случай показался доктору Харли интересным. Вначале лечение шло успешно. Почти на три месяца я был избавлен от своей мучительницы и считал уже, что спасен окончательно. С разрешения врача я вернулся в Долбридж.

Ехал я в почтовой карете. Я был в отменном настроении, более того — счастлив и преисполнен благодарности. Я возвращался в свой приход исцеленным (как тогда казалось), и мне не терпелось приступить к службе. Вечер был ясный и теплый, в природе царила радостная безмятежность. Помню, какое ликование переполнило мою душу, когда наконец между деревьями мелькнул шпиль кенлиской церкви. На подъезде к Кенлису церковная башня впервые оказывается на виду как раз в том месте, где пересекает дорогу небольшая речка, служащая границей прихода. Речушка протекает под землей, забранная в трубу, а там, где она на краю дороги является на поверхность, установлен камень со старинными

письменами. Когда мы миновали эту точку, я откинулся на спинку сиденья и тут же обнаружил в углу кареты обезьяну.

На миг я ощутил приближение обморока, а вслед за тем меня охватил ужас. Я окликнул кучера, вышел из кареты, сел на обочину и предался немой молитве. Спокойствие отчаяния снизошло на меня. В свой приход я возвратился не один, а со спутником. Все та же напасть, что и раньше, после краткой борьбы одолела меня. Вскоре я покинул Кенлис.

Я уже говорил вам, — продолжал мистер Дженнингс, — что эта тварь стала временами проявлять агрессивность. Немного поясню. Когда я произносил молитву и даже когда мысленно обращался к Богу, обезьяну охватывала невероятная злоба. Кончилось тем, что она стала меня прерывать. Вы спросите, каким образом безъязыкий, бестелесный призрак добивался своего? Дело в том, что всякий раз, когда я мысленно возносил молитву, обезьяна оказывалась передо мной, все ближе и ближе.

Она вспрыгивала на стол, на спинку стула, на каминную полку и принималась медленно раскачиваться из стороны в сторону, не спуская с меня глаз. Эти однообразные движения непонятным образом рассеивали мысли и поглощали внимание, и вскоре я обнаруживал, что голова моя пуста. Если бы я не вскакивал, чтобы стряхнуть с себя оцепенение, я бы тронулся умом. Эта злобная тварь прибегает и к другим приемам, — продолжал священник с тяжким вздохом. — К примеру, когда я во время молитвы закрываю глаза, она подбирается все ближе и ближе и в конце концов становится видимой. Признаю, это противоречит законам физики, но что есть, то есть: я вижу ее, вижу с закрытыми глазами. От этого у меня ум заходит за разум, силы изменяют и приходится подниматься с колен. Кому довелось пережить подобное, тот знает, что такое отчаяние.

9. Стадия третья

— Замечаю, доктор Хесселиус, что выслушиваете вы меня, не упуская ни единого слова, потому нет нужды просить вас с особым вниманием отнестись к продолжению моего рассказа. Все только и делают, что толкуют о зрительных нервах да о фантомных иллюзиях, словно зловредной силе, привязавшейся ко мне, недоступны иные пути воздействия, помимо органа зрения. Плохо же они ее знают. В первые два года моих мук адское видение и в самом деле оставалось не более чем оптическим образом. Но подобно тому как вслед за нежным касанием губ наша пища испытывает на себе разрушительную мощь зубов, как в колесо машины попадает вначале кончик мизинца, а затем туда затягивает всю руку и, наконец, всего человека целиком, так и адская машина ухватывает кончик тончайшего нерва, а следом происходит то, что произошло со мной: она постепенно поглощает несчастного смертного целиком. Да, доктор, такова и моя участь. Я беседую с вами, я молю о помощи, а сам чувствую, что мольбы мои бессильны и призыв не будет услышан.

Он волновался все более, и я постарался успокоить его, убедить не поддаваться отчаянию.

Пока мы беседовали, наступила ночь. Пейзаж за окном слабо виднелся в лунном свете. Я сказал:

— Распорядитесь, чтобы принесли свечи, если вам не хочется сидеть в потемках. Полутьма ведь навевает странные мысли. Мне бы хотелось, чтобы, пока я не поставлю диагноз, вы вели себя, по возможности, как обычно.

— Свет ли, тьма — меня это волнует, только когда я пишу. А так пусть бы ночь никогда не кончалась. Сейчас я намереваюсь рассказать вам, что случилось год назад. Эта тварь заговорила.

— Заговорила? Что вы имеете в виду: она стала разговаривать как человек?

— Да, она произносит слова и целые предложения очень связно и отчетливо, но есть одна странность. Ее голос отличен от человеческого. Он доходит не через уши, а звучит в голове, как пение.

Ее речи меня доконают. Эта тварь не дает мне молиться, ее отчаянные богохульства

вынуждают меня умолкнуть; я не могу, не в силах продолжать. О доктор, неужели мне не помогут ни врачебное искусство, ни молитва?

— Обещайте мне, дорогой сэр, не тревожить себя мыслями, не ведущими ни к чему, кроме ненужного возбуждения. Сосредоточьтесь на фактах, о них и ведите рассказ. Прежде всего не забывайте о том, что даже если преследующее вас существо вполне реально, существует помимо вашего воображения и обладает собственной волей (а вы, судя по всему, считаете, что так оно и есть), то, тем не менее, повредить вам оно неспособно, если таковая власть не дана ему свыше. Степень ее воздействия на ваши органы чувств зависит главным образом от вашего физического состояния — вот в чем вы, положась на Всевышнего, должны черпать надежду и утешение. Все мы живем рядом с подобными существами, ваше отличие от других состоит лишь в том, что у вас слегка повреждена защитная преграда, скрывающая от нашего зрения и слуха этот враждебный мир. Вы должны пройти новый курс терапии — ободритесь. Я обдумаю сегодня ваш рассказ и решу, что нам делать.

— Вы очень добры, сэр; вы полагаете, стоит попытаться? Есть еще надежда? Но если бы вы знали, какую власть забрала себе адская тварь. Она меня тиранит, отдает приказы, а я становлюсь все беспомощней. Господи, смилуйся надо мной!

— Вы говорите, она отдает вам приказы?

— Да, да, она все время подбивает меня на преступления: покуситься на кого-нибудь другого или на самого себя. Теперь вы убедились, доктор, что положение серьезное. Не так давно я был в Шропшире, — говорил мистер Дженнингс с поспешностью, положив руку мне на рукав и заглядывая в лицо, — и отправился с несколькими приятелями на прогулку. Мой мучитель в это время сопровождал меня повсюду. Я немножко отстал от друзей: вам ведь известно, что в окрестностях Ди¹⁴ места красивые, есть на что посмотреть. Наш путь пролегал мимо угольной шахты. Ствол шахты, глубиной, как говорят, полтора фута, находится на опушке леса. Моя племянница отбилась от компании вместе со мной. О моей болезни она, разумеется, ничего не знала, кроме того, что я нездоров, впал в уныние и меня не следует оставлять в одиночестве. Мы шли не спеша, а проклятая обезьяна все твердила, чтобы я бросился в шахту. Поверите ли, от страшной смерти меня спасла только мысль о том, каково будет бедной девушке стать свидетельницей такого жуткого происшествия. Я сказал ей, чтобы она догнала своих друзей, а я останусь, так как не в силах идти дальше. Она ни за что не соглашалась, и чем дольше я уговаривал, тем решительней отказывалась меня покинуть. Вид у нее был испуганный. Думаю, что-то в моем облике или поведении встревожило ее; так или иначе, но уйти она отказалась и этим в буквальном смысле спасла меня. Вы и представить себе не можете, сэр, до какой степени сатана способен подчинить себе смертного.

Дженнингса беспрестанно била дрожь. Он жалобно застонал.

Наступила пауза, а потом я проговорил:

— Как бы то ни было, но вы были спасены. В этом видна десница Божья. Он не предал вас во власть врага рода человеческого, а значит, вам следует верить в будущее.

10. Приют

Я уговорил мистера Дженнингса приказать слугам принести свечи и не оставил его, пока не убедился, что в комнате стало уютно. Я объяснил, что причина его болезни кроется исключительно в физиологических нарушениях, пусть даже и трудно уловимых. Я постарался убедить его, что давешнее спасение даровано свыше и служит свидетельством милости Божьей; мне больно слышать, сказал я, как он твердит, что Господь его отринул. Так отнестись к происшедшему — значит не просто ошибиться, а сделать вывод, впрямую противоречащий истине, ибо избавление его от смерти есть не что иное, как чудо,

¹⁴ Ди — небольшая река в графстве Шропшир, впадающая в Ирландское море.

ниспосланное с небес. Ведь, во-первых, племянница не покинула его, несмотря на все уговоры, а во-вторых, ему было внушено неодолимое отвращение к мысли совершить страшный поступок у нее на глазах.

Когда я говорил об этом, у мистера Дженнингса на глазах выступили слезы. Мне показалось, что на него снизошло успокоение. Я заставил его пообещать, что, когда обезьяна вернется, он пошлет за мной немедленно, и повторил, что ближайшие часы всецело посвящу обдумыванию его случая и завтра расскажу, к каким пришел выводам. На том мы и распрощались.

Слуге, проводившему меня к экипажу, я сказал, что хозяин очень болен, и велел почаще заглядывать в его комнату.

Предстояло обеспечить условия для сосредоточенной, непрерывной работы.

Я добрался к себе, захватил письменные принадлежности и саквояж, сел в наемную карету и направился в расположенную в двух милях от города очень тихую и уютную гостиницу «Рога» (еще одна ее особенность — солидные, толстые стены). Там, в удобной гостиной, укрытый от возможных помех и вторжений, я собирался провести в раздумьях остаток ночи, а если понадобится, то и утро.

(Здесь доктор Хесселиус строго научно излагает свое мнение по поводу болезни мистера Дженнингса, а также описывает нужные пациенту режим, диету и лекарственные препараты. Записи эти, содержащиеся в письме, которое он сочинил в гостинице «Рога», впрочем, довольно любопытны — кое-кто, возможно, назвал бы их загадочными. Однако я не уверен, что ученые рассуждения доктора Хесселиуса способны увлечь моего предполагаемого читателя, а раз так, то едва ли стоит помещать их на этих страницах. Следующее письмо доктор Хесселиус составил в своей городской квартире.)

Я выехал из города в гостиницу вчера в половине десятого, а возвратился сегодня в час дня. На столе в городской квартире меня ждало письмо от мистера Дженнингса. Узнав, что пришло оно не по почте, я расспросил слуг; как выяснилось, принес письмо лакей мистера Дженнингса. Когда ему сообщили, что я буду дома не раньше завтрашнего дня и никто не знает, где меня найти, слуга, растерянный и встревоженный, сказал, что ему велено без ответа не возвращаться.

Я вскрыл письмо и прочел:

«Дорогой доктор Хесселиус!

Она вернулась, не минуло и часа после Вашего отъезда. Она говорит со мной. Ей известно все, что произошло. Она знает все, знает о Вас и обозлена безмерно. Она изрыгает проклятия. Я посылаю Вам это письмо, а она знает, знает каждое слово. Я обещал Вам и потому пишу, но, боюсь, бессвязно, совсем бестолково. Мне не сосредоточиться, я выбит из колеи.

Всегда искренне Ваш,
Роберт Линдер Дженнингс».

— Когда пришло письмо? — спросил я.

— Вечером около одиннадцати. Тот слуга опять заезжал вчера и трижды сегодня. В последний раз он был здесь час назад.

В считанные минуты я сунул в карман бумаги со своими рецептами и предписаниями, вскочил в экипаж и отправился к мистеру Дженнингсу в Ричмонд.

Вам, разумеется, понятно, что я никоим образом не считал болезнь мистера Дженнингса неизлечимой. Да он и сам был знаком (по «Метафизической медицине») с моими воззрениями на подобные случаи и пытался, хотя и совершенно ошибочным образом, применить изложенные мною принципы. Я же намеревался взяться за его лечение, опираясь на солидную научную основу. Тут были затронуты мои научные интересы, и я ничего так не жаждал, как наблюдать своего пациента в тот период, когда его вновь примется донимать «супостат».

Наконец я достиг мрачного дома мистера Дженнингса, взбежал по ступенькам и постучал. Дверь тут же открыла высокого роста женщина в черном шелковом платье. Вид у нее был нездоровый, глаза, как мне показалось, заплаканные. В ответ на мой вопрос она молча присела и махнула рукой в сторону двух мужчин, спускавшихся по лестнице. Поручив меня, таким образом, их заботам, она проворно нырнула в боковую дверь и захлопнула ее за собой.

Я обратился к тому из двоих, кто оказался ближе, но тут же с испугом заметил, что обе руки у него в крови.

Я невольно сделал шаг назад, а человек, с которым я заговорил, тихо ответил, продолжая спускаться: «Вот слуга, прошу вас, сэр».

Слуга остановился, при виде меня смутившись и онемев. Платок, которым он вытирал руки, был пропитан кровью.

— Джонс, ради Бога, что произошло? — спросил я, холодея от мрачного предчувствия.

Слуга пригласил меня выйти в коридор, я тут же последовал за ним. И вот он, смертельно бледный, сказал мне то, о чем я уже с ужасом догадывался.

Его хозяин покончил с собой.

Вместе с Джонсом я поднялся в комнату мистера Дженнингса. Не могу Вам передать, что я там увидел. Несчастный перерезал себе горло бритвой. Рана была ужасна. Тело уложили в постель, придав ему подобающее положение. Огромная лужа крови на полу, между кроватью и окном, ясно указывала, где именно произошла трагедия. Пол был голый, ковры постелены только у кровати и под туалетным столиком. Мистер Дженнингс упоминал, что не любит ковров в спальне. На полу этой сумрачной, а теперь зловещей комнаты, затененной, как и весь дом, старыми вязами, чуть подрагивала тень одной из гигантских ветвей.

Я сделал знак слуге, и мы вместе спустились вниз. В соседней с холлом старомодной, отделанной деревянными панелями комнате я и выслушал все, что он смог мне рассказать. Наш разговор оказался кратким.

— По тому, что и как вы сказали, сэр, вчера ночью, я понял: хозяин занемог всерьез. Я подумал, вы боитесь припадка или чего-нибудь еще. Так что я поступил в точности, как вы распорядились. Хозяин долго не ложился, до трех и даже дольше. Он не писал, не читал, а все разговаривал сам с собой, но такое для него не редкость. В четвертом часу я помог ему раздеться. Когда я ушел, на нем был и халат и домашние туфли. Через полчаса я потихоньку снова к нему заглянул. Он лежал в постели раздетый, а на столике рядом с кроватью стояла пара зажженных свечей. Когда я зашел, он опирался на локоть и что-то разглядывал в другом конце кровати. Я спросил, не будет ли каких-нибудь приказаний, и он ответил, что нет.

Ночью мне все время было не по себе. Я за него беспокоился, то ли после ваших распоряжений, сэр, то ли оттого, что заметил нечто непонятное.

Прошло еще полчаса, а может, чуть больше, и я снова поднялся к нему. Прислушался, но на этот раз он молчал. Я приоткрыл дверь. Обе свечи у изголовья не горели, и это было необычно. У меня была с собой свеча, и я тихонько оглядел комнату. Хозяин сидел в кресле у туалетного столика. Мне бросилось в глаза, что он снова одет. Хозяин обернулся и взглянул на меня. Я подумал, как, мол, чудно, что он встал и оделся, потушил свет и сидит вот так в темноте. Но я осмелился лишь спросить, не нужно ли ему чего-нибудь. Он сказал «нет», довольно сердито, — так мне показалось. Не прикажет ли он зажечь свечу? «Как хотите, Джонс», — ответил он. Я зажег свечи, но уходить не спешил, и тогда хозяин задал вопрос: «Скажите правду, Джонс, вы вернулись, потому что услышали, как здесь кто-то бранится?» Я не понял, о чем это он, и ответил: «Нет, сэр». — «Конечно, нет, — повторил хозяин вслед за мной, — как же иначе?» Тут я сказал: «Не лучше ли будет, сэр, вам лечь в постель, ведь уже пять?» Он ответил только: «Очень может быть. Спокойной ночи, Джонс». Ну я и ушел, сэр, но через час вернулся. Дверь была затворена; он меня слышал и крикнул (видать, с постели), чтобы я сказал, чего мне нужно, и больше его не тревожил. Я лег и немного поспал. В седьмом часу я опять пошел наверх. Дверь все так же была закрыта,

хозяин мне не ответил, и я подумал, что он наверняка спит, не стал его будить и до девяти вверх не возвращался. У нас заведено, что, пока хозяин утром не вызовет меня колокольчиком, сам я в спальню не захожу. Я осторожно постучал, ответа не было, — ну что ж, стало быть, он отдыхает. Но к одиннадцати я всерьез забеспокоился, и было отчего: хозяин ведь позже половины одиннадцатого в жизни не вставал. На мой стук он не откликнулся. Я колотил в дверь, кричал — все бесполезно. В одиночку выломать дверь я не смог, пришлось позвать Томаса с конюшни, мы пробились в комнату, а что там застали — вы сами видели.

Больше Джонс не знал ничего. Бедный мистер Дженнингс был по-настоящему кротким и добросердечным человеком, слуги души в нем не чаяли. Я заметил, что слуга искренне горюет.

Потрясенный, я покинул этот зловещий дом под сумрачной сенью вязов. Надеюсь не увидеть его больше никогда. Пишу Вам и чувствую себя так, словно не вполне пробудился после продолжительного ночного кошмара. Память моя с испугом отвергает происшедшее. Но я знаю, что это не сон. Это подлинная история, и речь в ней идет об отравлении, о яде, действие которого затрагивает душу и нервную систему человека и парализует ткань, разделяющую две родственные функции органов чувств: внешнее и внутреннее восприятие. И тогда мы обнаруживаем рядом с собой странные существа, и ранее, чем пробьет предустановленный час, смертный зрит бессмертного.

Заключение, Слово к страждущим

Дорогой мой Ван Лоо, причина Ваших мук кроется в болезни, подобной той, которую я только что описал. Дважды Вы испытывали на себе ее действие.

Кто, с Божьей помощью, излечил Вас? Ваш покорный слуга, Мартин Хесселиус. А лучше будет повторить вслед за одним старым добрым хирургом, жившим три сотни лет назад во Франции, следующие исполненные благочестия слова: «Я лечил, а исцелил Создатель».

Не поддавайтесь хандре, друг мой. Позвольте объяснить Вам, что к чему.

В своей врачебной практике мне довелось столкнуться, как показано в моей книге, с пятьюдесятью семью случаями видений, подобных вышеописанному (я называю их «сублимированными», «ранними» или «внутренними», не отдавая предпочтения ни одному из этих терминов).

Имеется и другой класс болезней, фантомные иллюзии, данное название получивший вполне правомерно, но зачастую смешиваемый с этим недугом. Фантомные иллюзии — я в этом убежден — излечиваются так же просто, как насморк или легкое расстройство пищеварения.

Проверкой мыслительных способностей врача могут послужить лишь болезни, относимые к названной ранее категории. Пятьдесят семь подобных случаев встретилось мне в моей практике, и ни одним меньше. В скольких из них мое искусство оказалось бессильным? Ни в одном.

Из всех недугов, преследующих человеческий род, проще и надежней прочих излечивается именно этот: требуется лишь немного терпения и доверия к врачу. При соблюдении этих незамысловатых условий можно быть совершенно уверенным в успехе.

Припомните: в случае с мистером Дженнингсом я не успел даже приступить к лечению. Не сомневаюсь, что года через полтора, от силы два он был бы абсолютно здоров. Некоторые случаи быстро поддаются излечению, другие же носят затяжной характер. Но, в конечном счете, любому мыслящему и усердному медику эта задача по плечу.

Вам знаком мой трактат об основных функциях мозга. Опираясь на бесчисленные факты, я привожу там убедительные, надеюсь, доводы в пользу теории, согласно которой в нервных каналах может существовать циркуляция, подобная артериальному и венозному кровообращению. Мозг в данном случае играет ту же роль, что в системе кровообращения

сердце. Соответственно, флюид, распространяющийся в нервных волокнах одного вида, возвращается, в измененном состоянии, по нервам другого вида. Флюид этот по своей природе тонок, но все же материален, подобно свету и электричеству.

Всякого рода вредные привычки, одна из которых — злоупотребление некоторыми небезразличными для организма факторами (такими, как зеленый чай), ведут к тому, что нарушается либо состав этого флюида, либо — чаще — его баланс. Примите во внимание, что наличие указанного флюида является тем общим свойством, что роднит нас с духами. Избыточный нервный флюид, накапливающийся в мозгу или нервных волокнах, будучи связан с внутренним восприятием, представляет собой как бы обширную незащищенную область, через которую бесплотные духи получают доступ к нашим органам чувств; таким образом и формируется канал связи. Между обеими системами циркуляции, мозговой и сердечной, существует тесная общность. Фокусом, а точнее, орудием внешнего зрения является глаз. Внутреннее же зрение локализуется в нервной ткани и мозге, в области бровей и чуть выше. Вспомните, с какой легкостью мне удалось бесследно рассеять Ваши видения при помощи всего лишь замороженного одеколona. Не считите, однако, что одни и те же методы пригодны для всех пациентов и неизменно дают быстрые результаты. Холод вызывает отлив нервного флюида. Достаточно длительное воздействие холода ведет к перманентной утрате способности ощущать — иначе говоря, к онемению, — а вслед за тем наступает паралич не только ощущений, но и мышц.

Повторяю вновь с абсолютной уверенностью: я непременно добился бы того, чтобы внутреннее око, которое, сам того не желая, отверз у себя мистер Дженнингс, вначале затуманилось, а затем и затворилось. В случае белой горячки наблюдается подобная же патологическая чувствительность. Терапевтическая методика сводится к такому воздействию на телесный организм, которое позволяет устранить гиперактивность мозга как мотора нервной циркуляции и, соответственно, избыточность нервного флюида. Именно последовательное обращение к некоторым простым лечебным приемам ведет (причем неизменно) к желаемому результату. Неудач в моей практике не было.

Бедный мистер Дженнингс свел счета с жизнью. Но виновна в этой катастрофе совершенно иная болезнь, наложившаяся, так сказать, на вышеописанную. Его случай, без сомнения, следует отнести к сложным. Истинной причиной его гибели послужило не что иное, как наследственная суицидомания. Не могу назвать бедного мистера Дженнингса своим пациентом, так как не успел даже приступить к лечению, а, кроме того, как я убежден, с его стороны отсутствовало необходимое условие успешной борьбы с болезнью: полное и безграничное доверие к врачу. Если же пациент заранее принимает сторону не болезни, а врача, в благоприятном исходе сомневаться не приходится.